

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Кислюк К. В. Гносеологический статус исторического исследования: прошлое и настоящее // Проблемы історії та методології історичної науки. Харківський історіографічний збірник. – Харків: Бізнес Ін форм, 1998. – Вип. 3. – С. 56 – 62.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

К. В. КИСЛЮК

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

С тех пор как люди впервые начали изучать историю, то есть отделили познание общества от познания природы, проблемы концептуально-понятийной и теоретико-методологической базы такого познания стали постоянным источником двоякого рода озабоченности: во-первых, уровнем ее адекватности собственному объекту, каким является человеческое общество на разных стадиях своего существования; во-вторых, характером ее соответствия общепризнанным представлениям о «научности» как позитивным критериям получения Истины об объекте.

В настоящей статье мы предлагаем рассмотреть вопрос о «гносеологическом статусе» исторического исследования. Ведь именно в соответствии с ним утверждался общественный статус дисциплин (и в первую очередь исторической науки), проводивших такие исследования. К сожалению, эта проблема очень редко становилась предметом внимания самих историков, поскольку, как нам кажется, она выходит за пределы собственно исторического познания и требует более общего — философского — подхода. Указанный подход будет заключаться в фиксации отношения понятийно-категориального аппарата и теоретико-методологической базы исторического исследования к абстрактному познавательному идеалу, имплицитно содержащему в себе всю совокупность признаков, отражающих основную тенденцию познания на данном его этапе. Первая известная трактовка истории как специфической области знания о человеческом прошлом принадлежит Аристотелю, который посчитал ее разновидностью искусства. Этот господствовавший на протяжении более чем тысячелетия взгляд (в XVI в. его повторит в своей классификации «наук» Ф. Бэкон), по нашему мнению, объясняется тем обстоятельством, что в IV в. до н. э. философия, с точки зрения которой Аристотель и давал свою классификацию, уже превратилась в претендующую на всеохватность систему знания с особым понятийно-категориальным аппаратом, закреплявшим теоретически способность к последовательному абстрактно-логическому осмыслению любого феномена [8, с. 111] — «эпистему», в то время как слово «история» даже терминологически применялось к тем способам и методам получения знания, где мыслительно-познавательный аспект еще не успел утвердиться в качестве преобладающего над зрительным [11, с. 156]. Стало быть, историческое исследование могло быть только плодом «мнения» — «доксы» (встречающиеся буквально на каждой странице всех девяти книг «отца истории»

Геродота «я слышал», «говорят», «охотно верю тому, что» наглядно показывают, почему позиция Аристотеля казалась правильной).

С Нового времени гносеологический статус исторического исследования начинает определяться классическим идеалом познания, построенным на идее абсолютного суверенного разума, способного дать исчерпывающую картину мира (природы и общества), как будто бы основанного на его собственных закономерностях.

В рамках классического познавательного идеала можно выделить два подхода к проблеме гносеологического статуса исторического исследования: 1) неокантианскую позицию В. Виндельбанда и Г. Риккерта, исходивших из коренного различия между гуманитарными науками (идеографическими, описывающими) и естественными науками (номотетическими, теоретизирующими); 2) позитивистский подход, утверждавший общность черт и признаков, присущих как обобщающим, так и индивидуализирующим исследованиям (наличие законов и теорий, а также общность методов) вследствие идентичности логической природы (рациональности) присутствующих и в природе, и в человеческом обществе закономерностей.

Парадоксально, но в историческом исследовании достаточно мирно уживались оба подхода. Большая часть историков продолжала развивать историографическую традицию, перепоручив разработку фундаментальных проблем исторического исследования такой молодой философской дисциплине, как философия истории, но при этом по-прежнему мало интересуясь получаемыми ею результатами. Другие придерживались позитивистской позиции, заменяя не лишнее элементов образности, художественного и эмоционального изображения описание разного рода «случайных событий» (от войн до деятельности великих людей) исследованием фактов, закономерных в своей повторяемости (экономические, демографические, социальные процессы). Правда, именно тенденция к «сциентизации» и определила лицо XIX в. как «века историков», а истории — как науки, «подтянув» понятийно-категориальный аппарат и теоретико-методологическую базу исторического исследования к уровню «передовых» на тот момент дисциплин — физики и математики. Но вместе с тем позитивистский подход, сознательно отбрасывающий субъективную составляющую исторического процесса под тем предлогом, что воля и сознание людей обусловлены самой объективной действительностью, а потому всегда вторичны, вел в конечном итоге к односторонности, а порой и ошибочности предлагаемых теоретико-понятийных обобщений. Не потому ли главная его задача — превратить историю в социологию — осталась невыполненной. И социология, первоначально рассматривавшаяся ее основателем О. Контом как «научная история», в конце концов отделялась от истории, ограничив свой предмет анализом существующих общественных явлений и структур, а не их генезисом и особенностями их эволюции в разное время в разных человеческих обществах [5, с. 204].

Совершившийся к середине XX в. переход от классического к неклассическому познавательному идеалу, признававшему относительность истины,

возможность существования различных конкретных теоретических обобщений, в каждом из которых должен содержаться момент объективно-истинного знания («принцип дополнительности» Н. Бора), означал, говоря языком самой исторической науки, «либерализацию» требований к «научности» (пример тому — выявление логического статуса традиционной формы исторического исследования — «нарратива» представителями «аналитической философии истории» от А. Данто до Х. Уайтта). В нашем случае эта либерализация позволяла причислить социогуманитарные дисциплины к числу «наук в слабом или широком смысле слова» (проще — «наук второго сорта») на том основании, что они имеют в своем распоряжении теоретические знания, сходные с естественнонаучными теориями во многих выполняемых ими функциях [10, с. 131], но при этом все-таки знания неполностью явные, логически не до конца выверенные, так сказать, «объяснительные эскизы» (К. Гемпель).

Однако подтверждение в рамках неклассического познавательного идеала «научного статуса» исторического исследования никоим образом не совершалось, что называется, «задним числом», но напротив, отражало вполне реальное развитие теоретико-методологической базы и понятийно-категориального аппарата исторического исследования. Особенно далеко в этом направлении продвинулась школа «Анналов», попытавшаяся в духе неклассического познавательного идеала примирить с помощью ряда выдвинутых ею теоретико-методологических принципов двойственный — субъективно-объективный — характер исторического исследования. Но, по большому счету, предлагаемый ими подход мог быть оценен с философско-исторической точки зрения как структурно-системный [3, с. 80], стало быть, как продолжение классической сциентистской тенденции в историческом исследовании. Если на первом этапе существования школы (20-40-е гг.) он давал великолепные результаты и превратил «Анналы» в лидирующее направление в мировой исторической мысли, то на втором (40-60-е гг.) привел к прямо противоположным результатам: к разделению исторического исследования на множество слабо связанных друг с другом «историй», к замене устоявшегося диахронно-синхронного взгляда на историю синхронно-диахронным, элиминации из истории исторического времени, доселе считавшегося ее неотъемлемым атрибутом, дегуманизации исторического исследования из-за изучения неодушевленных статичных структур-кирпичиков исторической действительности. Отсюда — то кризисное состояние, в котором оказалась история к началу 70-х годов: сокращение количества проводимых исследований и историков, сужение сферы исторического образования, падение к ней общественного интереса. Вывод напрашивается сам собой: как только историческое исследование сделалось «научным», как только история стала наукой, она перестала быть сама собой — историей.

Возможен ли выход из создавшегося положения в условиях формирования постнеклассического познавательного идеала, контуры которого уже хорошо заметны в наши дни?

Чтобы ответить на этот вопрос, сперва следует остановиться на самом идеале. В общем и целом, если классический идеал представлял собой внутренне дифференцированную целостность, проще говоря, единство многообразия, то постнеклассический идеал есть внутренне дифференцированная нецелостность, «многообразное многообразие» [1, с. 152], в котором нет и не может быть ничего предельного (все зависит от предпосылок), нет ничего нейтрального (все зависит от контекста осмысления), нет ничего вовсе не значимого, второстепенного, нет ничего раз и навсегда гарантированного [2, с. 57-58]. Впрочем, существует категория, способная вместить в себя все «нет», весь негативный характер постнеклассического познавательного идеала, — категория «исторического» — одновременно внутреннего условия осуществления познавательной деятельности и внешнего по отношению к ней условия, требующего постоянного уточнения ее формальных границ [2, с. 60].

Если мы в свою очередь зададимся вопросом о причинах странной метаморфозы познавательного идеала — от внеисторичности классической модели к имманентной историчности идеала постнеклассического, — то, очевидно, придем к рассмотрению присущей любому познавательному идеалу когнитивной схемы «субъект–средства–объект».

Классический идеал центрировал внимание на объекте и выносил за скобки все, что относилось к собственной специфике субъекта и средств деятельности. Неклассический идеал, исходивший из идеи относительности объекта, требовал предварительной экспликации этих средств в качестве необходимого условия получения достоверных знаний о нем. Постнеклассический «идеал» старается учесть соотносительность знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности по получению знания, то есть, познавая объект, он имеет в виду субъект [9, с. 18].

Сказанное вполне подтверждается и примером истории. Классический познавательный идеал лишь считал себя «объективным», ссылаясь на абсолютность — неизменность, всеобщность логико-познавательных процедур, присущих человеческому (само)сознанию, никоим образом не зависевших от индивидуальности их носителей. Создавая свой исследовательский идеал (или миф) истории — как «всеобщей истории», призванной собрать все разнородные события, процессы и тенденции и однородные совокупности — формации или эпохи, а затем выстроить из них единый, непрерывный, прогрессивный процесс истории «как-оно-было-на самом деле» [12, с. 7-20], конкретное историческое исследование в подавляющем большинстве опиралось на интуицию и отчасти воображение самого исследователя, успешно компенсировавшего с их помощью несовершенство доставшегося в наследство от прежней нарративной историографии понятийно-категориального аппарата и теоретико-методологических основ, равно как и недостаточность фактической и источниковой базы самого исследования. Такое положение долгое время позволяло совмещать «научность» истории, придающую ей высокий гносеологический и вместе с тем общественный статус, с прекрасными

исследовательскими результатами, полученными не совсем научными методами, но как бы подтверждавшими эффективность и действенность именно «научной истории».

Постнеклассический идеал истории выглядит иначе, чем классический. Это — идеал «общей истории», умножающей события, явления, процессы, соотносящей их с разными формами макро- и микроисторичности — от семьи, рода, общины до государства, империи, цивилизации, с разными «историями», их изучающими, пытающейся соткать паутину из возможных форм, видов и способов их сочленения (иерархия, ярусное расположение, односторонняя детерминация, круговая причинность и т. д.) [12, с. 7-20]. На деле же оба идеала решают единую антропологическую задачу — обожествление человеком самого себя, преодоление им собственной конечности, однако разными путями.

Классический идеал делает ставку на время, которое рассеивает все, но которое взамен дает возможность синтезирующей деятельностью человеческого сознания как универсального субъекта собрать все в единую «стрелу времени», в постижимую и оттого управляемую историю. Постнеклассический идеал, хотя и обращает целенаправленную непрерывность человеческого разума в прерывность, а последовательность — в одновременность тех многообразных форм, в которые он облекался, облекается и будет облекаться, тем самым имеет в виду обрести искомую беспредельность — как безграничность *исторического* самовыражения.

Постнеклассическому состоянию имманентной расчлененности истории на первом — эмпирическом — уровне ее познания (парадигмы «общей истории») соответствует и положение дел в философии истории, составляющей второй — теоретический — уровень исторического познания, когда о ее единстве сегодня можно говорить не в привычном смысле единства предмета, объекта, метода и цели, но только как об историческом единстве происхождения. Между тем, отрываясь от создания априорных мифов об истории, призванных единственно легитимировать ее привилегированный статус по сравнению с исторической наукой, философия истории, все более склоняющаяся к рассмотрению прикладных исследовательских проблем (как историческая эпистемология), сближается с совокупностью специальных исторических дисциплин и методологией истории, вместе с ними ища возможные пути формализации исторического исследования.

Не лукавя более насчет собственной объективности, постнеклассический идеал полагает историю такой, какой она, вполне возможно, есть на самом деле — плохо поддающейся упорядочению форм и способов самоидентификации человека. Поэтому за всеми затрагивающими прикладное историческое исследование изменениями, которые повлекла за собой замена «всеобщей» «общей историей»: а) переход из сферы универсальных априорных теорий к «теориям среднего уровня», осмысливающим конкретные результаты работы историка [7, с. 24]; б) дополнение макросоциологических понятий понятиями «микроисторическими» (семья, община, цех), данные о которых поддаются

извлечению непосредственно из исторических источников [7, с. 26]; в) концептуальное перевооружение исторического исследования на основе категории «цивилизации» как структурирующего начала человеческой субъективности [4, с. 70]; г) сочетание идей магистральности исторического развития с идеями альтернативности и поливариантности, «синергетичности» исторического процесса; д) разработка проблем исторической ментальности — субъективной реальности, составляющей содержание сознания людей данной эпохи или культуры и опосредующей все стороны их жизни [6, с. 59], — скрывается изменение несоизмеримо большего масштаба — культурно-антропологическая переориентация истории. Теперь предметом исторического исследования любого уровня сложности становится не история человека, а человек в истории — во всем многообразии его проявлений.

Но можно ли сказать, что посредством культурно-антропологической переориентации «общая история» избавилась от сциентистской тенденции, которая ее породила, а затем изжила себя, вызвав кризис, который указанная переориентация преодолела? Не будем столь категоричны. Дело в том, что решение проблемы Человека в истории возможно только на путях малого, локального исторического синтеза, требующего как максимум — своей структурно-функциональной, то есть научной, модели. Однако, с другой стороны, возможен только один — гуманитарный — способ изучать человека в истории: вести с ним диалог, спрашивать его о том, что волнует нас, но что не затрагивало его в свое время (эпистемологический статус диалога подробно исследован с разных точек зрения М. М. Бахтиным, М. Бубером и Ж. Лаканом). Стало быть, культурно-историческая антропология, с точки зрения постнеклассического познавательного идеала, представляет собой научное исследование, проводимое гуманитарными методами. В этом отношении она гораздо более исторична и научна, чем историческое исследование в его классическом виде.

1. Автономова Н. С. В поисках новой рациональности // Вопросы философии. — 1981. — № 3.
2. Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. — М., 1988.
3. Афанасьев Ю. Н. Эволюция теоретических основ школы «Анналов» // Вопросы истории. — 1981. — № 9.
4. Барг М. А. Категории «цивилизации» // История СССР. — 1990. — № 5.
5. Вайнштейн О. Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX-XX вв. — Л., 1979.
6. Гуревич А. Я. Социальная история и историческая наука // Вопросы философии. — 1990. — № 4.
7. Гуревич А. Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. — 1988. — № 1.

8. *Мудрагсёй Н. С.* Проблема рационального и иррационального: античность и средневековье // Вопросы философии. -- 1982. -- № 2.
9. *Ракитов А. И.* Историческое познание. - М., 1982.
10. *Степин В. С.* Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. -- 1989. -- № 10.
11. *Тахо-Годи А. А.* Эллинистическое понимание термина «история» и родственных с ним // Вопросы классической филологии. -- М., 1969. -- Вып. 2.
12. *Фуко М.* Археология знания: Пер. с фр. -- К., 1996.